

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Как я дрочил на маму

Я с детства всегда спал с матерью в одной постели. Отца не было, мать с ним развелась, когда мне было четыре года. С того времени я и стал забираться к матери на кровать. Одному спать было скучно, немного боязно, да и любил я послушать перед сном сказки, которые она мастерски рассказывала. Спал я без трусиков. Мать сама меня приучила к этому, чтобы тело ночью отдыхало. Сама она тоже спала голая, и я к этому постепенно привык и никак не реагировал. Хоть посмотреть было на что. Мать была очень красивая женщина, а фигурка у неё была просто идеальная. Когда пошёл в школу, услышал от сверстников много нелестного о девочках. Во дворе тоже все разговоры крутились вокруг этого. Ребята постарше начали показывать фотографии для взрослых. На них были голые тётеньки и дяденьки, занимавшиеся непонятными вещами. Ребята объяснили, что те «ебутся». Тут я впервые подумал, что моя мать – тоже женщина и, наверняка, тоже ебалась с отцом, только я никогда не видел... А, может, и видел, но теперь уж не помню. Однажды, пошли с ребятами подглядывать в женскую баню. Я смотрел без интереса. Всё это я уже видел... у матери. И подглядывать никуда не надо – мать каждый день перед сном раздевалась, не стесняясь меня, и голая ложилась в постель. Мне нравилось, что она без одежды, а почему – не знаю. И нравилось самому быть голым. Мать во сне обнимала меня и крепко прижимала к себе. Иногда перед сном горячо целовала в губы. Поцелуи её были мягкие и влажные. От матери хорошо пахло духами и кремом. В третьем классе мы с дворовыми мальчишками затащили в рощу Клавку Переверзеву, родители которой каждый день выпивали и совершенно за ней не следили. Пригрозив расправой, заставили Клавку раздеться и показать нам свою писюку, которую старшие ребята по взрослому называли «пиздой». Пизда у Переверзевой была маленькая, гладкая и неинтересная. На картинках у голых взрослых женщин это место было покрыто густыми чёрными волосами и вызывало чувство неясного томления. Особенно, если в него засовывали свои огромные писюны взрослые дядьки. Всезнающие дворовые мальчишки называли писюны «хуями». У меня, оказывается, тоже был хуй, но очень маленький и никогда не стоял, как у взрослых дядек. Ребята говорили, что для этого его нужно «дрочить». Дрочили мы обычно либо в роще, в самых зарослях, куда никто не заходил и не мог нас видеть, либо за городом в балке, на берегу небольшого, чистого ставка. Если на улице было холодно – забирались в подвал под каким-нибудь домом. Когда дрочили, хуй вставал не у всякого. У меня, так вообще – никогда. Ребята же постарше иной раз даже «кончали», как они выражались. При этом из их хуёв далеко брызгала белая, прозрачная струя какой-то жидкости, «молофни», – как объясняли они нам, младшим. Некоторые хвалились, что дрочат даже на свою мать, сидя в сортире и слушая, как она за стеной купается в ванной. Мне было стыдно признаться, что я до сих пор сплю с матерью в одной постели... И даже никогда не пытался дрочить на неё, хоть она каждую ночь лежит рядом со мной, совершенно голая, и мне стоит только протянуть руку, чтобы коснуться её большой, заросшей спутанными вьющимися волосами, пизды. Теперь мне уже было приятно смотреть на раздевающуюся перед сном мать. У неё были крупные, шарообразные груди, широкий, белый и мягкий зад, выпуклый живот с пупком, который меня волновал почему-то больше всего. Купала меня мать тоже до сих пор сама. И я не противился. Особенно мне нравилось, когда она мыла мой попу и писюн. Сама она была полуодета, а иной раз тоже, как и я – обнажена. И

заходила вместе со мной в воду. Однажды мне приснился эротический сон, будто мать дробит мой писюн. Мне стало так хорошо, что я кончил. Я думал, что это случилось во сне, но когда проснулся, – понял, что кончил реально: весь писюн у меня был мокрый и липкий. Хорошо, что я лежал на спине, а то бы вымазал и постель. Мать спала рядом и ничего не видела. Я быстро сходил в ванную, помылся под душем. Когда вернулся и стал перелезть через обнажённую мать на своё место, к стене, – нечаянно коснулся яичками выпуклого материнского бедра. Писюн мой от соприкосновения с голой женской плотью неожиданно встал. Я начал в полумраке спальни рассматривать материн большой соблазнительный зад, и мне сильно захотелось потрогать его рукой, помять пальцами её мягкие половинки. От таких возбуждающих мыслей мой писюн вытянулся кверху ещё больше. Я стал мять и ласкать его правой рукой и вновь, как и во сне, почувствовал быстрое приближение оргазма. Мне невыносимо захотелось крепко прижаться писюном к материнской огромной попе и спустить на неё молофню. А ещё лучше засунуть вставший горячий от напряжения писюн в материнскую чёрную пизду и ебать её, как на взрослых картинках, которые рассматривал с друзьями-одноклассниками в школьном сортире. От всех этих сладких, раздражающих мыслей и фантазий писюн мой сильно задёргался, мне стало очень хорошо и всё безразлично. Через мгновение молофня из моего стоявшего писюна с силой брызнула на половинки материнской попки. Я испугался, что она проснётся и накажет меня, – отпрянул к стене и затаился. Но мать не проснулась. Я не стал вытирать её попу, чтобы лишним раз не потревожить, и вновь пошёл мыться. Как это ни странно, писюн мой и не думал ложиться, не смотря на то, что я кончил уже целых два раза. Желание ебаться не пропадало, и смотреть на голую мать тянуло ещё сильнее. Я еле удерживал свои непослушные руки, чтобы не нырнуть матери между ног. Я вдруг увидел на стуле возле кровати материнское нижнее кружевное бельё. Порывшись в этих соблазнительных женских интимностях, вытащил небольшие чёрные трусики. Поднёс их, дрожа всем телом, к лицу и стал нюхать. Трусики ощутимо пахли материнской пиздой и я, не удержавшись, стал с наслаждением целовать это место. В голове у меня сейчас же помутилось от удовольствия, и я как будто опьянел. Вставший писюн плотно прилегал к животу, залупа вылезла наружу. Я прижимал и прижимал к губам эту мягкую, кружевную тряпочку, недавно ещё плотно соприкасающуюся с большой, соблазнительно-влажной пиздой моей любимой мамочки. Потом быстро перешёл на трусиках чуть ниже и тоже стал целовать. Это другое место терпко отдавало материнской попой. Я с жадностью буквально вылизал тыльную сторону материнских стрингов. При этом представлял, как целую сладкую материнскую попу, прикасаюсь жадно трепещущими губами и тоненьким жалом своего язычка к небольшой коричневой дырочке между раздвинутых мягких булочек мамино заднего «агрегата». Это место сведущие дворовые мальчишки называли на своём полублатняцком жаргоне «очком», а попу – «жопой», «сракой» или «пердельником». Вдоволь насладившись, я прижал материнские трусики к своему стоявшему торчком писюну и стал его быстро дробить. О последствиях совершенно не думал и вскоре со стоном выплеснул очередную порцию кипящей от внутреннего возбуждения молофни в кружева женских трусиков. От сознания того, что я сделал это, было особенно приятно. Это уже вплотную приближало меня к соблазнительной материнской пизде, и я осмелел ещё больше. Тщательно вытер свой писюн материнскими мокрыми насквозь трусиками и бросил их в ванной в стирку. Мать, конечно же, увидит их утром и всё поймёт, но мне именно этого и хотелось. Я в это время буду на занятиях в школе, а мать, разглядывая свои слипшиеся от

моей высохшей молофни трусики, поймёт, что это я обкончал их. К тому же моя молофня осталась засыхать и на половинках её попы... Мне захотелось в открытую подрочить на спящую мать и ещё раз кончить на её голое тело. Подумав, я так и сделал: прошёл голый и возбуждённый в спальню, стал перед крепко спящей на правом боку матерью и принялся яростно дрочить свой писюн. Через минуту мне опять сделалось очень хорошо, в паху было сладко и ни о чём не думалось. Я смело направил залупу, как выражались взрослые ребята, на материн большой выпуклый живот, метя в самый его низ, в чёрный треугольник волосни. Ещё несколько резких качков правой рукой, и залупа с силой выстрелила сдрочкой в материн лохматый, спутанный лобок. Попадание было метким. К моей радости, мать опять ничего не почувствовала и продолжала безмятежно спать. В душе у меня всё ликовало: подумать только – я кончил четвёртый раз за ночь! Мать неожиданно зашевелилась и перевернулась на спину. Рука её потянулась к мокрому от моей сдрочки лобку. Я ужаснулся и вжался в пол, как статуя, не в силах пошевелиться. Окаменел, подобно греческому изваянию обнажённого мальчика, до которых так падки были взрослые дяденьки греки. Об этом тоже рассказывали со скабрёзными намёками дворовые ребята. Сонная мать потёрла пальцами свою пизду, скрытую под густыми чёрными волосами, и снова затихла. Я, вспомнив рассказы о греческих соблазнительных мальчиках, потрогал себя за маленькую мягкую попу. Мне почему-то очень хотелось, чтобы меня за неё трогали. Мне это тоже нравилось. От этих лёгких прикосновений писюн опять вскочил, и я потёр указательным пальцем саму дырочку. Удовольствие получилось неопишное. Продолжая нежно растирать пальцем дырочку в попе, я снова стал дрочить свой писюн. В голову сейчас же ударила сильная волна неземного блаженства, дырочка раскрылась, как цветок, и мой палец провалился в неё до самого основания. Я чуть не вскрикнул, позабыв обо всём на свете, – так стало хорошо! На мамины отвислые груди, которые мальчишки называли почему-то «буфера», и живот обрушилось целое извержение молофни из моего писюна. Я и не подозревал, что её у меня так много. Палец из попы я не вытащил и продолжал сладостно корчиться в эротических судорогах перед самым маминым лицом. Я уже напрочь потерял всякую осторожность и даже был бы, наверное, рад, если бы она застала меня за этим занятием. Мне даже захотелось вдруг, чтобы мать, увидев, что я на неё дрочу, – выдрала меня ремнём по голой попе. И странно: не успел я об этом подумать, как вновь почувствовал приближение оргазма. А представил я всего лишь, как это будет приятно, хоть и больно. Но даже мысли о боли едва не довели меня до сладостного оргазма. Я понял, что теперь мне совершенно нечего бояться, даже, если меня после этого жестоко побьют ремнём. Я представил, как буду лежать на кровати, совершенно голый и беззащитный, покорный своей строгой маме, а она будет хлестать по моему телу страшным ремнём, и чуть в очередной раз не кончил. Еле сдерживая оргазм, быстро забрался на кровать, сел попой на грудь маме как можно ближе к лицу и воткнул ей в рот трепещущий, стоявший по сумасшедшему хуй. Тут же мощная струя молофни выплеснулась в рот ничего не понимающей, сонной маме. Она машинально стала сглатывать её, чтобы не захлебнуться, а я всё кончал и кончал в неё, ликуя от сознания, что ебу в рот свою собственную мать. И мне было уже совершенно всё равно, что она после этого сделает со мной. Мне всё уже было в радость, и я сознательно шёл на это, чтобы по-мазохистски насладиться побоями и унижением...